

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редаціи: Долгая улица, домъ № 13, кв. 11.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара считаются безплатными. Неприятныя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ Всемилостивѣйше соизволилъ къ 6-му числу мая текущаго года пожаловать Золотою медалью съ надписью „за усердіе“ для ношенія на груди на Станиславской лентѣ старосту церкви села Павловицы, Томашовскаго уѣзда, Люблинской губ. крестьянина Степана *Брославскаго*.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 23—30 іюня 1904 г. за № 3324 по вопросу о производствѣ работъ въ праздничные дни.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по поводу обнародованнаго закона 10 мая сего года о разъясненіи узаконеній, касающихся производства работъ въ праздничные дни, и, находя что истолкованіе для народа истиннаго смысла и нравственнаго значенія этого новаго закона преслѣдующаго цѣль поднятія народнаго благосостоянія путемъ устраненія рабочаго населенія Россіи отъ праздности и разгула съ нетрезвостью или самовольно иногда устанавливаемыхъ имъ праздниковъ, должно лежать прежде всего на духовенствѣ православномъ, Приказали: Признать

благовременнымъ поручить епархіяльнымъ преосвященнымъ преподавать подвѣдомымъ имъ священнослужителямъ слѣдующее наставленіе: вновь изданный законъ и въ особенности тѣ изслѣдованія народной жизни, на которыхъ онъ основывается, обнаруживаютъ, что нашъ народъ слишкомъ много дней въ году празднуетъ и что празднуетъ онъ эти дни совсѣмъ не по-христіански. Кромѣ дней воскресныхъ и праздниковъ, освященныхъ церковію и установленныхъ гражданскою властью, народомъ во многихъ мѣстахъ устанавливаются праздники произвольно, и число такихъ праздниковъ все возрастаетъ. При этомъ, что въ особенности прискорбно, праздники эти являются днями всеобщаго и неудержимаго разгула, продолжающагося иногда нѣсколько дней. Все это, конечно, самымъ печальнымъ образомъ отражается и на здоровьи народа и на народномъ хозяйствѣ, разстраивая народное благосостояніе, приучая народъ къ праздности и укореняя въ немъ порокъ пьянства. Такое положеніе вещей не можетъ быть желательнымъ не только для государства, пекущагося о благосостояніи и тѣлесномъ здоровьи народа, но еще болѣе для церкви, которой ввѣрены души людей. Изданіе новаго закона да послужитъ пастырямъ церкви, особенно сельскимъ, новымъ побужденіемъ бороться съ этимъ угрожающимъ зломъ всѣми доступными имъ пастырскими средствами. Пастыри должны разъяснить народу истинный смыслъ праздничнаго покоя и научить народъ пользоваться этимъ покоемъ по-христіански.— Прежде всего необходимо утвердить въ сознаніи народа смыслъ, что трудъ, въ особенности благословенный Богомъ трудъ земледѣльческій, никогда самъ по себѣ не можетъ быть негоднымъ Богу, заповѣдовавшему самимъ нашимъ прародителямъ еще до грѣхо-

паденія „дѣлать и хранить рай“ (Быт. II, 15). Въ трудѣ—призваніе человѣка, его непремѣнная обязанность и источникъ его душевнаго и тѣлеснаго здравія. Слѣдовательно, прекращеніе труда тогда только законно, когда оно необходимо для возстановленія утомленныхъ непрерывною работою силъ человѣка или когда оно требуется какими-нибудь столь же святыми и чистыми соображеніями. И заповѣдь Божія о храненіи субботняго дня въ Вѣтхомъ Завѣтѣ и воскреснаго въ Новомъ не могла имѣть цѣлью лишь оторвать человѣка отъ всенедельнаго труда, какъ будто бы не угодно Богу, а направлялась къ тому, чтобы упорядочить и освятить необходимый и законный отдыхъ труженика послѣ его трудовой недѣли; — а съ другой стороны, заповѣдь Божія напоминаетъ человѣку, что, кромѣ тѣла у него есть безсмертная душа, и, кромѣ заботъ о земномъ благосостояніи своемъ и его присныхъ, у него есть забота объ угожденіи Богу и служеніи Ему. Поэтому, не всякій трудъ запрещался въ субботу и въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, какъ это раскрылъ намъ Господь Иисусъ Христосъ; тѣмъ болѣе въ Новомъ, „призвавшемъ насъ въ свободу чадъ Божіихъ“, не запрещался и не запрещается трудъ необходимости (Лук. VI, 3, 9; XIII, 15), долга (Мѡ. XII, 5; Иоан. VII, 22; война Маккавеевъ и проч.), наконецъ, трудъ любви и милосердія (напр., Мр. III, 4), — и только тотъ трудъ безусловно запрещается, который проистекаетъ изъ корысти, изъ жадности, трудъ, обнаруживающій въ человѣкѣ забвеніе Бога и своей души и погруженіе въ житейскія попеченія. Съ другой стороны, не всякая праздность отъ житейскихъ дѣлъ можетъ считаться исполненіемъ заповѣди Божіей, а только та, которая стремится „святить день седьмой“, т. е. когда человѣкъ прекращаетъ трудъ на себя, чтобы работать Богу, перестаетъ трудиться для тѣла, чтобы дать себѣ время подумать о душѣ. Такой отдыхъ не можетъ не быть исполненъ всякихъ дѣлъ благихъ, не можетъ не привлечь человѣка къ молитвѣ, къ прилежному чтенію или слушанію слова Божія, что неразрывно связано съ благопристойностью и трезвеніемъ по тѣлу и душѣ. Если же праздникъ является для человѣка только благовиднымъ предлогомъ уклониться отъ труда, если сверхъ того онъ проводится въ разгулѣ съ забвеніемъ всякой скромности и съ явною опасностью для чистоты и цѣломудрія, то такая праздность не только не угодна Богу, но составляетъ прямо „мерзость въ очахъ Божіихъ“, привлекающую гнѣвъ Божій на поступающихъ такъ. Святая церковь православная, конечно, не можетъ благословлять такого разгульнаго праздничнаго времяпровожденія. Посему пастырямъ церкви вмѣстѣ съ настойчивымъ осужденіемъ праздничнаго разгула, слѣдуетъ учить народъ истинному, благочестному, Богу угодному провозженію установленныхъ святою церковію праздниковъ. Истинный

христіанинъ, помня заповѣдь Божию о субботнемъ покоѣ, одинъ день въ недѣлю—день воскресный, — оставляя всенедельную работу, долженъ посвятить Богу, проводя этотъ день, какъ того требуетъ долгъ христіанина: въ молитвѣ церковной и домашней, въ чтеніи и слушаніи духовно-назидательныхъ и другихъ полезныхъ книгъ и бесѣдъ, вообще въ тѣлесномъ и душевномъ покоѣ, а кому есть случай и кто въ состояніи,—въ усиленіи въ этотъ день своей благотворительной дѣятельности на пользу ближнихъ и во имя Божіе. Такая же честь должна быть воздаема и великимъ праздникамъ церковнымъ, въ особенности двенадцатымъ и подобнымъ имъ. Остальные же праздники, особенно установленные произвольно въ извѣстной мѣстности, могутъ отличаться отъ обычныхъ дней только тѣмъ, что христіанинъ въ такіе праздники по долгу своему будетъ присутствовать въ церкви за богослуженіемъ, послѣ же службы церковной съ помощію Божіею, по желанію своему, можетъ отправиться на свой дневной трудъ. Такое празднованіе будетъ Богу угодно, и молитвенный, назидательный и трезвый еженедѣльный отдыхъ, несомнѣнно, будетъ обновлять и духовныя и тѣлесныя силы нашихъ тружениковъ, и Господь благословитъ ихъ труды успѣхомъ, равно какъ и народное здравіе укрѣпитъ. Новый законъ устраняетъ мѣстную гражданскую власть отъ обязанности наблюдать за храненіемъ праздничнаго покоя: отнынѣ никто не имѣетъ права запрещать добровольно желающему работать въ праздники. Въ объясненіе этого пастыри церкви должны указать, что суббота, праздникъ, угоденъ Богу только, какъ жертва, какъ посвященіе своихъ силъ на это время на служеніе Богу. Но Богъ „любитъ только добροхотнаго дателя“ (2 Кор. IX, 8), все же, что дается или дѣлается противъ воли, по принужденію, не есть жертва и не можетъ быть угодно Богу и принудительное празднованіе дней праздничныхъ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ не коренящееся въ внутреннемъ рѣшеніи послужить Богу, всего скорѣе можетъ располагать человѣка къ не позволительному для христіанина препровожденію этихъ дней. Но не будетъ также, конечно, угоднымъ Богу и принудительное привлеченіе къ работѣ въ дни праздничные желающихъ проводить эти дни по заповѣди Божіей. Итакъ, благодаря новому закону, теперь празднованіе можетъ быть только добровольнымъ. Пусть же пастыри церкви воспользуются настоящимъ положеніемъ и истовымъ богослуженіемъ, непрестаннымъ проповѣданіемъ слова Божія, въ особенности же своею истинно-пастырскою жизнію, съ удвоенною ревностью возжигая въ народѣ готовность къ добровольному служенію Богу, пусть учатъ совершать это служеніе съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, въ трезвеніи духовномъ и тѣлесномъ. На такое дѣланіе и благословляетъ Святѣйшій Синодъ пастырей церкви

моля Всевышняго, да укрѣпятъ ихъ силы и да поддержать въ благомъ дѣланіи Своею всемогущею десницею.

* * *

II. Отъ 12 августа 1904 г. о крещеніи Его Императорскаго Высочества Высоконоворожденнаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго князя Алексѣя Николаевича.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о совершившемся 11 сего августа, вслѣдствіе особаго Высочайшаго повелѣнія, крещеніи Его Императорскаго Высочества, Высоконоворожденнаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Приказали: О совершившемся святомъ крещеніи Высоконоворожденнаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, увѣдомивъ чрезъ „Церковныя Вѣдомости“ подлежащія мѣста и лица духовнаго вѣдомства, предписать, чтобы, по полученіи № 34 сихъ „Вѣдомостей“ и по предварительномъ сношеніи съ гражданскимъ начальствомъ, отправлено было во всѣхъ городскихъ церквахъ въ первый слѣдующій, а въ сельскихъ и монастырскихъ уѣздныхъ — въ первый же воскресный или праздничный день, послѣ литургіи, благодарственное Господу Богу молебствіе, съ коленнопреклоненіемъ и трехдневнымъ звономъ, кромѣ тѣхъ церквей, гдѣ таковое уже совершено по особому распоряженію, Правительствующему Сенату о такомъ распоряженіи Святѣйшаго Синода сообщить вѣдѣніемъ.

Холмско-Варшавская Духовная Консисторія ПРИКАЗАЛИ: изложенныя опредѣленія Святѣйшаго Синода напечатать въ Епархіальномъ Вѣстникѣ для свѣдѣнія и руководства причтовъ епархіи (17 августа 1904 г.)

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Выражена признательность Епархіальнаго Начальства Генераль-Лейтенанту Ивану Игнатьевичу *Арицшевскому* и Командиру Лейбъ-Бородинскаго полка А. Н. *Аникшеву*, а также настоятельницѣ Радочницкаго монастыря Игуменіи *Аванасіи*, священнику А. *Корольчуку* и всему духовенству за содѣйствіе и труды въ устройствѣ торжества перенесенія въ село Краснородъ иконы Пресвятой Богородицы и освященія новой церкви въ семь селѣ.

Вакантно мѣсто настоятеля при Сѣдлецкомъ соборѣ.

Отъ Консисторіи.

Въ Консисторію поступило: а) на санитарныя нужды дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи: сбора по церквамъ—1 Варшавскаго округа—93 руб. 64 коп., 3 Варшавскаго округа—98 р. 91 коп., 1 Константиновскаго округа—7 руб. 74 коп., Яблочинскаго мужскаго монастыря—3 р. 43 к., 2 Грубешовскаго округа—95 р. 72 коп., 1 Грубешовскаго округа—42 р. 99 коп., 2 Константиновскаго округа—10 руб. 45 к., пожертвованій—отъ причтовъ 3 Варшавскаго округа—34 р. 38 коп., отъ причтовъ 1 Константиновскаго округа—10 р. 69 к., отъ церквей и причтовъ 1 Грубешовскаго округа—19 р. 21 к., отъ причтовъ 2 Томашовскаго округа—40 руб., отъ церквей 1 Варшавскаго округа—25 руб., отъ служащихъ Холмско-Варшавской Консисторіи—9 р. 63 к.,—Всего 491 р. 79 коп.; б) на усиленіе флота—отъ нѣкоторыхъ причтовъ 1 Константиновскаго округа—7 р. 1 коп., отъ причтовъ 1 Грубешовскаго округа—16 р. 14 коп., отъ причтовъ 2 Томашовскаго округа—40 р. 1 коп.,—Всего 63 руб. 16 коп.

491 р. 79 к. отосланы въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, а 63 р. 16 коп. сданы въ Государственное Казначейство на имя Управленія дѣлами Государя Наслѣдника.

Отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Архипастырскою резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 27 іюля за № 334, положенною на журналѣ засѣданія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 19-го іюля выражена признательность Совѣта слѣдующимъ лицамъ: 1) попечительницѣ Посадовской школы Ю. К. *Алексѣвичъ* за преподаваніе руководствія въ Лаговецкой школѣ; 2) учителю Загоровской школы И. *Пляжужу* и бывшимъ учителямъ школъ—Гамернской С. *Скробанскому* и Гонковской А. *Алексѣвичу* за усердное занятіе ихъ въ школахъ и 3) псаломщикамъ—Майданъ-Княжпольской П. *Гладовскому* и Посадовской А. *Сватки* за усердное и успешное обученіе церковному пѣнію дѣтей въ мѣстныхъ церковныхъ школахъ.

Редакторъ С. Москалевичъ.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Храмовой праздникъ въ селѣ Сельцѣ, Холмскаго уѣзда.

25 іюля, въ день Успенія святыя Анны, Матери Пресвятой Богородицы, православные и даже като-

лики средней полосы Холмскаго уѣзда собираются въ село Селець къ празднику. Съ глубокаго утра безпрерывной лентой тянутся подводы и пѣшеходы со всѣхъ дорогъ по направленію къ Сельцу и занимаютъ мѣста по улицѣ черезъ село и за селомъ на далекое разстояніе. Полицейскій надзоръ съ трудомъ охраняетъ узкую полосу дороги для проѣзжающихъ и проходящихъ. Вблизи церкви по обѣимъ сторонамъ улицы разставлены палатки и въ нихъ развѣшены: буссы, ленты, разложены образки и другіе священные предметы преимущественно латинскаго культа, калачи, булки, колбасы, газовыя воды, горячій чай, кувшины, горшки и другая посуда. Народъ толпится у палатокъ и разсматриваетъ ласкающіе глазъ и вкусъ предметы. Здѣсь же, на незначительномъ возвышеніи, закрытая отъ дороги постройками, — низенькая, маленькая приходская Введенская церковь, окруженная сплошною массою народа. На погостѣ, вокругъ церкви, работаютъ десятокъ священниковъ: кто исповѣдываетъ, кто читаетъ Евангеліе надъ головой болящаго, кто совершаетъ молебенъ и освященіе воды. Здѣсь же разставлены столы для продажи свѣчей и для записи просящихъ молитвъ. Невдалекѣ отъ приходской церкви виднѣется второй каменный храмъ на кладбищѣ. Это и есть храмъ св. Анны. Здѣсь совершается ранняя литургія, а посему и этотъ храмъ окруженъ народомъ, подобно какъ и главный приходской. Къ 10 часамъ утра ранняя литургія окончилась, изъ кладбищенскаго храма вышелъ крестный ходъ на источникъ для освященія воды. Въ то же время показался второй крестный ходъ изъ Лещанскаго прихода. На встрѣчу симъ крестнымъ ходамъ вышли съ крестомъ, хоругвями и иконами изъ приходскаго Введенскаго храма. Народъ массою сопровождалъ крестные ходы, умилился встрѣчею ихъ. Соккупленный крестный ходъ при общемъ пѣніи прошелъ по главной улицѣ и направился къ Введенской церкви, гдѣ готовились къ поздней литургіи. Едва собрались крестные ходы, какъ опять трезвонъ. Точно электричество прошло по народу — „архіерей ѣдетъ“. Въ 10 ч. 40 м. дѣйствительно прибылъ въ село Селець къ поздней литургіи Преосвященный Евлогій, Епископъ Люблинскій, Викарій Холмско-Варшавской епархіи, который всегда готовъ быть тамъ, гдѣ собирается православная его паства. Радость общая. Торжество на селѣ рѣдкое.

Преосвященнаго Владыку встрѣтилъ мѣстный настоятель прихода съ народомъ у экипажа, церковный староста поднесъ хлѣбъ-соль. Владыка, благословивъ народъ, среди массы прошелъ въ церковь, гдѣ по принятому порядку ожидало архиастыря духовенство, готовое къ служенію литургіи. Состоялась встрѣча, входная молитва и затѣмъ Преосвященный Владыка облачался на устроенномъ предъ храмомъ возвышеніи. Торжественная архіерейская литургія совершена по возможности на виду народа, при массѣ благоговѣнно молящихся, съ сохраненіемъ образцовой

тишины и порядка. Предъ литургіей Его Преосвященствомъ посвященъ въ стихарь младшій псаломщикъ Томашевской церкви Θεодоръ Коноваль, удостоившійся сей чести за свои труды по устройству церковнаго хора въ г. Томашевѣ. Проповѣдь на литургіи въ свое время сказалъ настоятель Славатычскаго прихода о. Владиміръ Антоновичъ. Литургію пѣли мѣстный и сосѣдніе псаломщики, образовавшіе хоръ. Послѣ литургіи совершенъ молебенъ св. Аннѣ съ крестнымъ ходомъ вокругъ храма, чтеніемъ Евангелія по сторонамъ его, осѣвеніемъ народа св. крестомъ и окропленіемъ св. водою. Народъ любитъ этотъ обрядъ и массою повергается на колѣна у ногъ читающаго Евангеліе, желая дабы надъ склоненной его головой было прочитано слово Божіе, а затѣмъ цѣлуетъ Евангеліе. Владыка обыкновенно преклоненныхъ покрываетъ своимъ омофоромъ и возлагаетъ на главу однихъ св. Евангеліе, а другихъ — свои руки. По прочтеніи четвертаго Евангелія настоятель Туровецкаго прихода о. Владиміръ Боровецъ съ возвышенія на площади сказалъ вторую проповѣдь на малорусскомъ языкѣ о томъ, что молитвы наши Господь Богъ слышитъ и усердіе наше видитъ, всѣмъ воздастъ по заслугамъ въ свое время, мы же въ терпѣннн и упованіи должны проводить время жизни нашей. Молебенъ закончился сугубой эктенией, отпустомъ и многолѣтіемъ. Послѣ молебна Владыка отслужилъ еще заупокойную литію надъ могилою похороненнаго при церкви протоіерея Іоанна Киричнскаго, перваго по воссоединеніи настоятеля прихода, идеальнаго пастыря и проповѣдника, наставлявшаго не только народъ, но и духовенство, которому служилъ въ званіи духовника. Изъ храма Владыка со славою, въ сопровожденіи духовенства и народа, прибылъ въ домъ настоятеля прихода, гдѣ не отказался раздѣлить праздничную трапезу и провелъ въ бесѣдѣ съ духовенствомъ время до вечера. На улицѣ, послѣ церковной службы, открылся базаръ во всей силѣ. Праздничное оживленіе и ликованіе продолжалось до 6 часовъ вечера и привнесло въ Селецкій праздникъ нѣчто новое, чего мы не встрѣчали въ другихъ мѣстахъ. Лещанскій крестный ходъ, сопровождаемый мѣстнымъ, открылъ праздничное шествіе въ обратный путь. Простившись съ духовенствомъ отбылъ въ Холмъ Преосвященный Владыка. Мы оставили Селець въ 8 часовъ вечера и не видѣли уже ни балагановъ, ни торговцевъ, ни народа; на улицѣ стояли лишь отдѣльныя лица и группы мѣстныхъ жителей, направлявшихъ оканчивать праздникъ въ домахъ своихъ. Жаркій лѣтній день уступилъ мѣсто тихому вечеру съ медленно-надвигающейся черной тучею, громомъ и молніей.

Протоіерей Николай Глинскій.

Мать въ семьѣ.

Одно изъ лучшихъ стихотвореній Надсона — „Женщина“ — начинается такими словами:

„Жизнь мало мнѣ дала отраднѣхъ впечатлѣній,
И въ прошломъ не на чемъ мнѣ взоръ остановить,
Жизнь одиночества, жизнь горя и сомнѣній...
Что пожелать мнѣ въ ней и что благословить?“

Это грустное начало опредѣляетъ весь тонъ стихотворенія. Жизнь ребенка, тоскующій образъ котораго рисуется въ этомъ отрывкѣ, въ полномъ смыслѣ „жизнь горя и сомнѣній“. Ни одинъ лучъ радости не озаряетъ его дѣтскихъ годовъ.

„Изъ прихоти взятой чужою семьею
По темнымъ угламъ онъ наплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачи людской.“

Ребенка окружаетъ внѣшнее довольство; онъ не знаетъ лишеній. Но бѣда въ томъ, что все это матеріальное довольство пропитано отравой безсердечія и укора со стороны окружающихъ людей. Сердце ребенка „страстно жаждетъ родного привѣта и женскихъ объятій и радостныхъ слезъ!“ И вмѣсто этого онъ видитъ вокругъ себя или равнодушіе, или, еще хуже этого, явную враждебность. Но вѣдь духовное сиротство, страшное даже для взрослога человѣка, востократъ тяжелѣе для ребенка. Угнетаемая имъ дѣтская душа постепенно сохнетъ и тускнѣетъ. Ребенокъ знаетъ, что ничей родной глазъ не слѣдитъ за нимъ, никто не придетъ къ нему разрѣшить его сомнѣній и убаюкать его подъ тихую пѣсню ласки и любви. И горькое чувство безпомощности со всею силою охватываетъ дѣтское сердце! Онъ растетъ позабытымъ.

Пугливымъ ребенкомъ,—угрюмый, больной,
Съ умомъ не по-дѣтски печалью развитымъ,
Съ чуткой, болѣзненно—чуткой душой!

Да, такая заброшенность часто заставляетъ ребенка уйти въ себя и тамъ, въ глубинѣ своей души, перерабатывать получаемыя извнѣ впечатлѣнія. Въ то же время одиночество наполняетъ его сердце глубокою печалью.

Жизнь ребенка полна огорченіями, но онъ не мирится съ этимъ. Въ противоположность неприглядной дѣйствительности, въ его душѣ расцвѣтаетъ другая жизнь—жизнь радужныхъ мечтаній. И она-то даетъ ему то желанное счастье, котораго онъ такъ напрасно искалъ вокругъ себя. Ребенокъ возсоздаетъ въ своихъ мечтахъ образъ своей умершей матери. Этому дорогому призраку онъ повѣряетъ свое горе и у него ищетъ облегченія своей душевной тоски. Дѣйствительныя черты материнскаго лица и характера давно ступали въ дѣтской памяти. И ребенокъ создаетъ образъ идеальной женщины и украшаетъ его всеми цвѣтами своей болѣзненной фантазіи.

Поэтъ говорить:

„Мои воспоминанья

Не сберегли въ груди твой образъ молодой;
Но въ годы черныхъ думъ, тоски и испытанья
Я создалъ вновь его болѣзненной мечтой...
Вложивъ въ уста твои ласкающія рѣчи,
Вложивъ огонь любви во взглядъ твоихъ очей,
Я каждой noci ждалъ, какъ благодатной встрѣчи.
Я призракъ полюбилъ всею силою моею...“

Да и какъ не полюбить этотъ дорогой образъ, когда онъ воплощаетъ въ себѣ лучшія мечты бѣднаго и заброшеннаго ребенка. Развѣ кто приласкалъ его и сказалъ ему участливое слово? Ребенокъ часто слышалъ упреки, но никогда ему не приходилось слышать словъ ласки. Живые люди такъ безжалостны! А если такъ, то ребенка утѣшитъ призракъ его матери, прилетѣвшій къ нему изъ далекаго рая.

Замѣчательно, что первое существо, къ которому обращается взоръ ребенка, это — мать. Пусть она давно въ могилѣ зарыта, пусть ребенокъ даже не сохранилъ въ памяти ея черты, онъ пламеннымъ рѣзцомъ своего воображенія создастъ идеальный образъ женщины и будетъ поклоняться ему. И помимо Надсона, мы можемъ найти въ нашей литературѣ примѣры того, какъ, подъ влияніемъ дѣтской тоски, мало-по-малу создавался образъ матери. Графъ Л. Толстой потерялъ свою мать, когда ему не было и двухъ лѣтъ. У него не оставалось отъ нея никакихъ воспоминаній. А прочитайте-ка его „Дѣтство и отрочество“... Образъ матери, выношенный имъ еще въ дѣтскихъ мечтахъ, сіяетъ здѣсь во всей своей художественной прелести. Или вспомнимъ Некрасова. Къ кому онъ простиралъ руки, истомленный житейской борьбой? Кого онъ призывалъ къ себѣ въ трудныя минуты жизни всею силою вдохновеннаго слова? То былъ образъ его матери, которая такъ много его любила и ласкала въ пору ранняго дѣтства. Всякій, знакомый съ его поэзіей, конечно, помнитъ его чудныя слова:

„Повидайся со мною родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила влюбленная,
Всю ты жизнь прожила для другихъ“.
И еще:
„Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолюю,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою!“

Все подобныя образы, повторяемъ, создаются, особенно въ дѣтствѣ, воображеніемъ, которое питается пламенными чувствами тоскующаго сердца. Въ этомъ поэтическомъ откровеніи, которое мы подмѣчаемъ у писателей самыхъ разнообразныхъ художественныхъ дарованій, великій урокъ для матерей. Если даже призракъ матери даетъ такъ много святыхъ и чистыхъ радостей тоскующему ребенку, то

какъ много значить, въ еостояніи сдѣлать для дѣтей любящая мать. Она обладаетъ талисманомъ, который открываетъ ей дѣтское сердце. Имя этому талисману — ласка и любовь. Подъ благотворнымъ дыханіемъ материнской любви растутъ и распускаются лучшіе цвѣты человѣческихъ чувствъ.

Да велика нравственная сила, влияніе матери на своихъ дѣтей. Недаромъ она обладаетъ нравственными качествами такого рода, которыя гармонируютъ съ дѣтской природой и дѣлаютъ ее для ребенка необходимою. Мать инстинктивно понимаетъ нужды ребенка, который еще не говоритъ и едва способенъ думать. Если онъ плачетъ, она одна можетъ успокоить его своимъ кроткимъ и нѣжнымъ голосомъ, она одна можетъ объяснить ребенку его первыя дѣтскія впечатлѣнія. Развивающемуся дѣтскому любопытству прекрасно соответствуетъ материнская терпѣливость; его рѣзвость сдерживается мягкостью; его незнаніе никогда не испытываетъ надъ собою ея педантства. Что учитель ввѣряетъ только памяти, то мать умѣетъ вырѣзать на сердцѣ; къ чему онъ только едва возбуждаетъ вѣру, къ тому она внушаетъ любовь. Въ этомъ отношеніи мать имѣетъ преимущество и предъ отцомъ. Она собственно создаетъ, по выраженію Смайльса, нравственную атмосферу дома, которая въ такой же степени служитъ питаніемъ для нравственного существа человѣка, какъ физическая атмосфера для его тѣлеснаго состава. Тогда какъ отецъ воспитываетъ болѣе при помощи авторитета и разума, мать достигаетъ того же результата ласкою и нѣжностію сердца. Отецъ подчиняетъ себѣ волю ребенка болѣею частію посредствомъ уваженія къ себѣ, а мать располагаетъ этою волею при помощи любви.

Впрочемъ, говоря о значеніи матери въ дѣлѣ воспитанія, мы должны помнитъ, что оно не всегда было одинаково. Причиною этого была разница въ семейномъ и общественномъ положеніи женщины.

Женщина не у всѣхъ народовъ и не всегда пользовалась одинаковыми правами — семейными и общественными; иное положеніе она занимала и занимаетъ въ христіанства и иное — въ христіанствѣ.

Въ періодъ до христіанскій женщина, какъ существо физически болѣе слабое, была въ большемъ или меньшемъ порабощеніи. На нее смотрѣли, какъ на существо, гораздо низшее мужчины во всѣхъ отношеніяхъ.

Азія, колыбель рода человѣческаго, представляетъ изъ себя и первую темницу, первое поприще тяжелаго положенія женщины. Положеніе восточной женщины и теперь почти нисколько не измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, каково оно было до Рождества Христова. Часто и теперь случается на востокѣ, что отецъ выбрасываетъ или убиваетъ свою новорожденную дочь, а если и оставляетъ, то не даетъ ей сколько нибудь порядочнаго воспитанія. А кто не слышалъ объ униженной торговлѣ на восточномъ рынкѣ жен-

щинами для гаремовъ! Богатство и зватность мужчины на востокѣ опредѣляется количествомъ женъ, запертыхъ въ гаремъ. Бывали случаи, что сотни невинныхъ дѣвушекъ были казнены для того, чтобы кровь ихъ употребить на цементъ для штукатурки какого нибудь зданія, какъ это сдѣлалъ одинъ король апантіевъ въ Африкѣ.

Какъ въ до-христіанскій періодъ, такъ и теперь восточная женщина считалась и считается существомъ гораздо низшимъ мужчины. Вотъ, напримѣръ, какіе практическіе совѣты даютъ мужчинамъ мусульманскіе мудрецы: „Если ты находишься въ крайне затруднительномъ положеніи и не знаешь, что дѣлать, собери друзей своихъ, угости ихъ, изложи имъ все свое дѣло, и поступи, какъ они тебѣ посоветуютъ. Если нѣтъ у тебя друзей, посоветуйся съ первымъ встрѣчнымъ и исполни его совѣтъ. Но если въ эту минуту нѣтъ около тебя ни друзей, ни мужчинъ, съ которыми ты могъ бы посоветоваться, тогда изложи обстоятельно все женѣ твоей, попроси ея совѣта, выслушай терпѣливо все, что она тебѣ скажетъ и сдѣлай совершенно на оборотъ тому, что она тебѣ посоветуетъ“¹⁾.

Унизительный взглядъ на женщину на востокѣ доходитъ прямо до нелѣпости: въ ней не признаютъ даже существованія души человѣческой, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ весьма характерный разговоръ одного христіанскаго миссіонера съ китайцемъ, сыномъ небесной имперіи, гдѣ можно бы было ожидать лучшаго взгляда на женщину, въ виду большаго развитія семейной жизни. „Я слышалъ часто“, — говоритъ китаецъ, что христіанство принимаютъ для того, чтобы спасти душу, не такъ-ли? — „Да, это цѣль христіанства“. — „Въ такомъ случаѣ зачѣмъ женщинамъ принимать его?“ — „Чтобы такъ же спасти душу, какъ и мужчинамъ.“ — „Но вѣдь онѣ не имѣютъ души,“ воскликнулъ китаецъ, — „и вы не должны ихъ дѣлать христіанами“. Далѣе онъ прибавилъ: „возвратившись домой, я скажу своей женѣ, что она имѣетъ душу; она конечно будетъ весьма удивлена этимъ“²⁾. Съ такимъ взглядомъ согласно и то восточное убѣжденіе, что женщина, какъ и животныя, послѣ смерти не имѣютъ будущей жизни.

Не многимъ лучше взглядъ на женщину былъ и въ древней Греціи. И здѣсь женщина не пользовалась тѣми правами, какими по всей справедливости должна была-бы пользоваться. Удаленная отъ дѣлъ общественныхъ, предоставленныхъ только мужчинамъ, проводившему все время на площади, гречанка осуждена была на заключеніе дома въ особомъ отдѣленіи (гинекетѣ), охраняемомъ часто молосскими псами. —

¹⁾ А. Надежинъ. Права и значеніе женщины въ христіанствѣ. Спб. стр. 13.

²⁾ Ibidem.

Она, по выраженію Ксенофонта, должна была походить на пчелиную матку, не выходить изъ дома, наблюдать за невольницами и ихъ работами, держать въ порядкѣ хозяйство и всѣ кухонныя принадлежности въ чистотѣ, кормить своихъ дѣтей и т. п. Узда, вѣникъ и сова—вотъ эмблема женскихъ добродѣтелей—молчаливости, экономіи и бдительности. Венера, опирающаяся пятою на черепаху, служила символомъ того, что женщина не должна осмѣливаться обнаруживать викакого движенія ни ума, ни сердца. Ея существенное назначеніе служить средствомъ для распространенія мужскаго поколѣнія. Быть подругой, собесѣдницей мужа она не можетъ. По Гомеру, добродѣтели жены—это рабская покорность и преданность мужу, полное и безпрекословное исполненіе его воли. Если возникли неприятели между женою и мужемъ, то послѣдній могъ отпустить ее безъ всякой формальности, единственно по силѣ своей власти. Даже греческая философія, — этотъ предвѣстникъ прогресса, — и та безжалостно унижала женщину предъ мужчиной. Пифагоръ, напр., училъ, что весь міръ есть произведеніе двухъ началъ: добраго, которое произвело порядокъ, свѣтъ и мужа, и злого которое есть виновникъ нестроенія, мрака и жены.

Не лучше, чѣмъ въ Греціи, было положеніе женщины и въ римскомъ государствѣ, этой странѣ права и закона. Права гражданства римлянка пріобрѣтала постольку, поскольку она была производителемъ членовъ государства; въ домашней же жизни она была подчинена совершенно волѣ отца или мужа. Отецъ выдавалъ свою дочь за мужъ, не спрашивая ея согласія; мужъ имѣлъ право прогнать, подарить или даже убить свою жену, посоветовавшись, впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ съ родственниками ея. Катонъ, напр., подарилъ свою жену Марцію другу своему Гортензію, которому она очень понравилась. А послѣ его смерти опять взялъ ее къ себѣ.

Римлянка, правда, носила почетное званіе „domina“—госпожа, хозяйка дома, но это названіе отзывалось для римлянки ироніей, такъ какъ всѣмъ домоу завѣдывалъ исключительно мужъ, ея полный господинъ и судья. — Впрочемъ, съ теченіемъ времени, когда Римъ вмѣстѣ съ завоеваніями перенесъ къ себѣ религіи и нравы побѣжденныхъ, римскія женщины стали постепенно освобождаться изъ подъ власти мужей, стали завоевывать себѣ свободу; но эта свобода, эта эмансипація римлянокъ пріобрѣталась ими въ ущербъ ихъ нравственности, во вредъ семьѣ, обществу и государству. Разводы стали теперь еще чаще, но ужъ по волѣ женъ, а не мужей. По словамъ Сенеки, римлянки считали годы не по консуламъ, а по мужьямъ. Позднѣе бл. Иеронимъ рассказываетъ, что онъ былъ на похоронахъ одной римлянки, перемѣнившей семнадцать мужей¹⁾.

Такая свобода римскихъ женщинъ, такое господство ихъ надъ мужьями, не было результатомъ ихъ какихъ нибудь гражданскихъ доблестей или заслугъ предъ отечествомъ; эта чудовищная эмансипація римлянокъ была плодомъ ихъ крайней нравственной распушенности. Чѣмъ богаче, знатнѣе и красивѣе была римлянка, тѣмъ болѣе она старалась пользоваться свободою. Сколько употреблялось средствъ, чтобы болѣе нравиться, чтобы сохранить красоту! Пощея держала до 500 ослицъ, употребляя молоко ихъ для втиранія, умовеній и для купаній. Жемчугъ и др. драгоценности римлянки носили даже на обуви. Каждая часть тѣла матроны имѣла своихъ невольницъ для ухода и наряживанья, которыя (невольницы), въ случаѣ малѣйшаго неугожденія, рисковали своею жизнію. Пользуясь такою свободою, римскія женщины уже совершенно потеряли всякое уваженіе со стороны мужчинъ. Если и были среди римскихъ матронъ такія, которыя вмѣсто безстыднаго кокетства заботились о разумномъ по тому времени воспитаніи своихъ дѣтей (какъ напр., Корнелія), то это были исключенія.

Итакъ, въ періодъ дохристіанскій женщина не пользовалась общечеловѣческими правами; духовныя силы ея глохли, спали въ ней и если пробуждались, то для того, чтобы быть непризванными и истратиться въ бесплодной борьбѣ противъ мощныхъ силъ мужчины или быть направленными въ ложную сторону; женщина находилась или въ униженіи для нея рабствѣ, или пользовалась свободою, пріобрѣтенной ею своей безнравственностью; въ первомъ случаѣ ее лишали правъ человѣческихъ, во второмъ случаѣ она сама теряла истинное достоинство женщины.

Изъ этого уже можно видѣть могла-ли оказывать благотворное вліяніе на своихъ дѣтей мать—раба и мать нравственно падшая. Первая постоянно находилась подъ страхомъ, безпрекословно исполняя всякую прихоть мужа. Если ей позволялось изливать материнское чувство, то только на дѣтей мужскаго пола, чтобы изъ нихъ могли выйти добрые и честные граждане, члены отечества. Дѣти же женскаго пола если и оставались въ живыхъ, то лишались особеннаго ухода и воспитанія. Можно себѣ представить, что за матери должны были выйти изъ такихъ дочерей! Мужъ на жену смотрѣлъ только какъ на орудіе продолженія своего рода и оказывалъ ей нѣкоторое вниманіе, если она рождала ему сыновей; рожденіе же дочерей ставилось чуть не въ преступленіе. Иногда, отправляясь въ дальній путь и оставляя свою жену въ почтенномъ положеніи, мужъ весьма хладнокровно говорилъ ей: „если ты въ мое отсутствіе произведешь на свѣтъ дочь, то должна умертвить ее“¹⁾.

¹⁾ idid. стр. 20.

¹⁾ Русское обозрѣніе 1896 г. фев. статья Елисеѣва „Въ странѣ рабовъ“.

О вліяніи же на своихъ дѣтей матери нравственно-падшей и говорить нечего; дѣти такой матери, можно сказать, не имѣли матери.

Положеніе женщины у древнихъ евреевъ было гораздо лучше, чѣмъ у грековъ и римлянъ. Въ книгахъ Ветхаго Завета повсюду можно усматривать высокое значеніе матери, равно какъ и глубокое уваженіе къ ней. Почтеніе къ матери дѣтей должно быть не меньше, чѣмъ почтеніе къ отцу: не почтеніе же къ ней иногда даже сопровождалось болѣе тяжкими послѣдствіями. Ни одна укоризна такъ не огорчала еврея, какъ та, которая касалась его матери (I Цар. XX. 30, Ис. LVII, 3.). Если отецъ былъ представителемъ чести еврейской расы, то мать была представительницею ея чистоты. Наставленія и совѣты матери у евреевъ считались достойными уваженія.

Но побуждая уважать женщину, какъ мать, еврейскій законъ ограничиваетъ материнство преимущественно дѣторожденіемъ. У евреевъ женщина дѣнится постольку, поскольку она способна къ дѣторожденію, и чѣмъ болѣе она рождаетъ, тѣмъ болѣе ей почета и уваженія. Примѣнительно къ такому взгляду у евреевъ допускалось и не считалось предосудительнымъ многоженство и наложничество. А такія явленія еврейскаго быта, какъ многоженство, наложничество и самое материнство, ограниченное преимущественно дѣторожденіемъ, не могутъ говорить въ пользу истиннаго, нравственнаго значенія женщины. Здѣсь еще не видно человѣка со всѣми нравственными индивидуальными правами, наравнѣ съ мужчиной.— Еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ еврейскій законъ о разводѣ и вообще характеръ супружескихъ отношеній евреевъ.

Только христіанство, эта религія вѣры и духа, измѣнившая весь складъ древней жизни, радикальнымъ образомъ измѣнило и бытъ женщины. Только теперь, съ явленіемъ на землю Христа, наступилъ для женщины свѣтлый день свободы, день дарованія ей высокихъ правъ и преимуществъ.

Христіанство—религія всеобщая; въ немъ нѣтъ различія между іудеемъ и еллиномъ, варваромъ и скиѣомъ, рабомъ и свободнымъ, мужчиной и женщиной (Римл. X, 11; Гал. III, 28; VI, 15; Матѣ. XXI, 15—16). Въ немъ въ первый разъ и притомъ ясно и рѣшительно указано существенное единство женщины по природѣ съ мужчиной, одинаковость ея назначенія съ нимъ для вѣчной жизни. Положеніе женщины сразу измѣнилось, возвысилось; ей указана лучшая будущность, возвышено высшее призваніе. Участіе, какое приняла женщина въ тайнѣ воплощенія Бога-Слова, подняло ее въ глазахъ всего міра на высшую степень достоинства. Съ женщины смыто теперь пятно, снятъ упрекъ въ томъ, что она существо нечистое, низшее мужчины, существо безправное. Теперь ей возвращены отнятыя и поруганныя права; она те-

перь не вещь, не раба, а подруга и помощница мужа въ этой жизни и сонаслѣдница благодатной жизни (I Петр. III, 7).

Какимъ же образомъ христіанство возвратило женщинѣ поправныя права ея? Самъ Іисусъ Христосъ Своимъ примѣромъ и Своимъ ученіемъ возвысилъ права и значеніе женщины; Самъ оказывалъ и другимъ научилъ оказывать ей вниманіе и уваженіе. Кому не извѣстно, что Самъ Іисусъ Христосъ всегда относился съ милостивымъ участіемъ къ женщинамъ? Онъ обличалъ фарисеевъ въ притѣсненіи вдовъ и въ чувствѣ презрѣнія, какое они выказали къ женщинѣ блудницѣ; Онъ и самарянкѣ и хананеянкѣ одинаково оказывалъ свое участіе и помощь. Онъ являетъ собою образецъ любви и послушанія Своей Матери, проявляя нѣжную заботу о Ней даже среди ужасныхъ крестныхъ страданій. И женщины сразу почувствовали, что Божественный Учитель смотритъ на нихъ не такъ, какъ прочіе, что Онъ признаетъ ихъ равноправность съ мужчинами.

И вотъ, въ благодарность за милостивое къ нимъ участіе Спасителя, онѣ постоянно заявляютъ Ему свою глубокую признательность и преданность. Женщина восторженно исповѣдуетъ Его величіе (Лук. XI, 27), женщина проповѣдуетъ о Немъ, какъ о Мессіи (Лук. XI, 27), женщина возливаетъ на главу Его драгоценное миро (Матѣ. XXVI, 7—13), женщина заступаетъ за Него предъ Пилатомъ (Матѣ. XXVII, 19), женщины плачутъ, видя Его идущимъ на страданія (Лк. XXIII, 27), не оставляютъ Его при крестѣ и изъявляютъ заботливость о приличномъ Его погребеніи, навѣщаютъ гробъ Его (Лк. XXIV, 1—2), первыя удостоиваются явленія Воскресшаго Господа (Мѣ. XXVIII, 9—10) и дѣлаются первыми благовѣстницами Его воскресенія. *Н. Козьминъ.*

Каждый ли пастырь-проповѣдникъ долженъ вести проповѣди, отвѣчающія на запросы времени.

Конечно, на всѣхъ, приставленныхъ къ охраненію святой вѣры и благочестія въ народѣ, лежитъ обязанность быть внимательнымъ къ нуждамъ и запросамъ времени, проявляющимся въ кругѣ, близкомъ къ проповѣднику. И въ деревнѣ, въ сельскомъ уединеніи, можетъ потребоваться проповѣдь въ удовлетвореніе какой либо временной нужды. И тамъ могутъ являться и являться сектанты, которые соблазняютъ вѣрующій народъ; и тамъ могутъ встрѣтиться какія-либо чрезвычайныя обстоятельства, которыхъ не можетъ обходить вниманіемъ заботливый пастырь,—положимъ, пожаръ, уничтожившій имущество жителей деревни, и повергшій ихъ въ уныніе и нищету, или градъ, истребившій воздѣланную жатву, или какое-либо грубое нарушеніе порядка церковно-нравственной жизни, напимѣръ, неприличное праздничное гульбище. Въ

такихъ случаяхъ жизнь даетъ пастырю-проповѣднику матерію или вопросъ, на который онъ вызывается дать отвѣтъ, служащій предостереженіемъ отъ увлеченія, или утѣшеніемъ и успокоеніемъ опечаленныхъ при постигшемъ бѣдствіи, или возбужденіемъ избѣгшихъ гнѣва Божія къ посильной благотворительности нуждающимся.

Но сравнительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тихо течетъ жизнь, меньше поводовъ къ проповѣдямъ, отмѣченнымъ печатію современности, и исходною точкою берущимъ запросы, предлагаемые волнующимся и неспокойнымъ временемъ. Собственно говоря, мѣсто для публицистическихъ проповѣдей—на кафедряхъ большихъ городовъ, въ которыхъ сосредоточиваются умственные силы поколѣнія, и гдѣ часто рѣзко и громко разглашаются ученія, мало имѣющія общаго съ вѣрою церкви. Здѣсь обыкновенно и пастыри обладаютъ большимъ образованіемъ и болѣе способны вести борьбу съ заблужденіемъ, пользующимся оружіемъ науки, или укоревающимися обычаями жизни, несогласными съ требованіями Закона Божія. Но часто и для нихъ является непосильною такая борьба, и ихъ слово, при всемъ ихъ усердіи, не производитъ должнаго впечатлѣнія на тѣхъ, къ кому оно направляется. Чтобы съ успѣхомъ вести защиту церковнаго ученія предъ образованнымъ обществомъ, заражающимся ядомъ невѣрія, и показывать предъ нимъ несостоятельность новыхъ идей и направленій, проводимыхъ людьми, владѣющими немалюю научною силою, отъ проповѣдника требуется много таланта, много знанія, знанія не только богословскаго, но и хорошаго знакомства съ тѣми ученіями, противъ которыхъ онъ выступать долженъ, много силы и энергіи слова, и при этомъ глубокаго убѣжденія и горячей ревности къ защитѣ святой истины. Не всякій къ этому способенъ; не всякій обладаетъ такими высокими талантами, какіе требуются отъ защитника слова Божія, его вѣры и уставовъ, чтобы побѣдоносно отражать нападенія на вѣру и церковь со стороны людей, кичащихся образованіемъ, и производить впечатлѣніе на образованныхъ слушателей, сочувствующихъ ложнымъ ученіямъ. Потому желательно, чтобы тамъ, гдѣ настоятъ надобность защищать вѣру отъ нападеній невѣрія или лжевѣрія, и охранять народъ отъ заразы заблужденіемъ, ходячимъ подъ личиною истины, была учреждена или восстановлена особая должность проповѣдника, и чтобы на эту должность избирались люди, обладающіе талантомъ, знаніемъ и сильнымъ краснорѣчивымъ словомъ. Такіе проповѣдники могли-бы привлекать къ своей кафедрѣ толпы народа, не простого только, но и образованнаго, и, снискавъ авторитетъ, могли-бы производить благотворное дѣйствіе на современное поколѣніе, увлекающееся или соблазняемое чуждыми идеями. Избраніе и постановленіе особыхъ проповѣдниковъ для утвержденія въ народѣ, въ особенности въ

образованномъ обществѣ, преданности вѣрѣ и церкви, и для отраженія соблазнительныхъ ученій, носящихся въ воздухѣ эпохи, не было бы въ нашей церкви нововведеніемъ. Въ XVII столѣтіи въ южной и западной Россіи въ кафедральныхъ церквахъ и значительныхъ монастыряхъ были избираемы и поставляемы въ проповѣдники люди, которыхъ считали болѣе сильными въ словѣ и ученіи, и имъ поручалось неустанное, возможно частое, проповѣданіе слова Божія.

Особые проповѣдники-іерокириксы—были и есть и нынѣ въ единовѣрной намъ Греціи. Они назначаются на цѣлый округъ, и обязываются проповѣдывать слово Божіе въ церквахъ этого округа, и они исполняютъ возложенное на нихъ дѣло, не развлекаемые обязанностями другого рода.

Въ римско-католическихъ странахъ на церковную кафедру проповѣдника, въ центральныхъ, болѣе посѣщаемыхъ, храмахъ, приглашаются избранные ораторы, отъ которыхъ ожидаютъ, что они могутъ быть надежными руководителями образованнаго общества, и могутъ дѣйствовать на его убѣжденія. Такихъ ораторовъ-проповѣдниковъ собираются слушать толпы народа, особенно въ проповѣдническіе періоды, какими служатъ постъ *Adventus Domini*, соотвѣтствующій нашему рождественскому посту, и постъ святой четвердесятницы.

Если-бы нѣчто подобное было у насъ, то есть, если бы у насъ въ столицахъ и большихъ городахъ, служащихъ центрами просвѣщенія, при кафедральныхъ церквахъ были особые проповѣдники, сильные словомъ и знающіе одно это дѣло, то отъ этого можно было бы ожидать и возвышенія проповѣди и большаго вліянія его на общество. Это было бы болѣе цѣлесообразно, чѣмъ нынѣшній порядокъ, по которому въ соборѣ для проповѣди слова Божія приглашаются священники изъ другихъ церквей города и даже уѣзда. Эти случайные проповѣдники, являясь въ соборѣ для произнесенія заказной проповѣди разъ или два въ году, имѣютъ предъ собою слушателей, которыхъ не знаютъ или мало знаютъ, и которые ихъ не знаютъ, и нужды и направленіе которыхъ имъ не вполнѣ извѣстны. Отсюда неудивительно, что часто въ такихъ вынужденныхъ случайныхъ проповѣдяхъ не слышится живого и мѣткаго слова, и общество не даритъ вниманіемъ мало знаемыхъ проповѣдниковъ. Болѣе практическое слово они могутъ предлагать своей паствѣ, которая ввѣрена ихъ попеченію, и духовно-нравственное состояніе которой имъ болѣе или менѣе извѣстно. Зачѣмъ отвлекать ихъ отъ своей паствы и заставлять говорить назиданіе чужимъ людямъ?

(Кіевск. Еп. Вѣд.)

В. Пшонлицкій.

Драгоценныя указанія дѣятелямъ школы ¹⁾.

„Обученіе должно быть воспитывающимъ. Первое мѣсто въ школѣ по воспитательному воздѣйствію на учащихся принадлежитъ въ настоящее время Закону Божію, отечественной исторіи, русскому языку и литературѣ и лицамъ, эти предметы преподающимъ.

Отцы законоучители, къ вамъ обращаю слово.

Вы учителя по преимуществу; вы проповѣдники Божественнаго ученія, дѣйственаго самого по себѣ на человѣческую душу, по природѣ христіанку, вы знаете эту душу, раскрывающуюся передъ вами на исповѣди; вы имѣете великую Божественную благодать, полученную вами въ таинствѣ священства.

Въ силу всего этого, а не какихъ-либо вѣшнихъ средствъ, въ родѣ начальственныхъ распоряженій и предписаній, займите сами первенствующее среди учащихся мѣсто въ учебномъ заведеніи. Потщитесь насаждать истинную православную вѣру, христіанское знаніе и христіанскую нравственность въ умы и сердца „малыхъ сихъ“.

Гг. преподаватели отечественной исторіи. Я неуклонно буду требовать отъ васъ преподаванія вашего предмета въ духѣ исторической правды; (Боже насъ сохрани отъ какой-либо неправды!), но въ то же время въ направленіи строго національномъ и патріотическомъ, какъ этотъ предметъ преподается въ школахъ всего цивилизованнаго міра.

Не скрывайте отъ учащихся нашихъ слабыхъ сторонъ, печальныхъ событій въ исторіи родной земли, но приучайте ихъ при этомъ относиться къ матери-Россіи и отрицательнымъ въ ней явленіямъ не такъ, какъ Хамъ отнесся къ своему отцу, а такъ, какъ отнеслись къ послѣднему Симъ и Иафетъ.

Старайтесь выяснитъ своимъ ученикамъ и ученицамъ великую, святую роль въ русской исторіи, въ культурѣ нашего Отечества, православной вѣры. Это весьма важно.

Господа! Россія создалась Самодержавіемъ, она вѣрна ему цѣлые вѣка, мы сами всѣ ему присягали.

Выясните же учащимся его великую историческую роль и значеніе, его необходимость для Россіи. Надъ этимъ вопросомъ поработало не мало Русскихъ людей: Карамзинъ, наши славянофилы, Катковъ, Побѣдоносцевъ и многіе другіе, въ послѣднее время Черняевъ.

Покажите юношеству, въ чемъ состоятъ историческія и культурныя заслуги русской народности, какія она совершила славные, истинно-христіанскіе подвиги на протяженіи своей свыше тысячелѣтней исторіи, на чемъ основано ея право быть хозяйкой въ Русской землѣ и владычествовать надъ многочислен-

ными инородцами, входящими въ составъ нашего Отечества. Вдохните, наконецъ, въ своихъ питомцевъ вѣру въ Россію.

Вотъ категорическое требованіе, которое я къ вамъ предъявляю, вотъ моя горячая просьба къ вамъ.

Гг. преподаватели русского языка и словесности! Растите учащихся въ любви къ родной русской рѣчи, охраняйте въ школѣ ея чистоту, развивайте въ нихъ любовь къ изящной, міровой, русской литературѣ и ея національнымъ элементамъ, развивайте самое чувство изящнаго, идеальнаго, чистыя стремленія. Охраняйте молодежь отъ пошлости; старайтесь, чтобы она, воспитанная на высокихъ образцахъ человѣческаго творчества, на глубокихъ, оригинальныхъ мысляхъ, умѣла трезво и критически относиться ко всякой пошлости, литературной въ особенности.

Скажу вамъ всѣмъ, господа, что въ преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ, его направленіи, должно быть извѣстное единство: нельзя разрушать на одномъ урокѣ то, что любовно создается на другомъ“.

(Орл. Еп. Внд.).

Къ нуждамъ войны.

Нужда не ждетъ. Уполномоченные, отправившіяся на театръ военныхъ дѣйствій для оказанія помощи больнымъ, раненымъ и стоящимъ въ строю защитникамъ Россіи, обращаютъ вниманіе общества на его священныя обязанности.

А. И. Гучковъ телеграфируетъ московской городской управѣ: „Убѣдительно прошу прислать возможно больше бѣлья. Не опасайтесь избытка: громадный недостатокъ въ войскахъ и госпиталяхъ. Запасовъ никакихъ нѣтъ“.

Главный уполномоченный „Краснаго Креста“ въ г. Читѣ кн. А. Г. Щербатовъ пишетъ отъ 13 мая, что читинскій складъ „Краснаго Креста“ крайне нуждается для снабженія проходящихъ черезъ г. Читту командъ въ слѣдующихъ предметахъ: табакъ (махорка), сахаръ, фуфайки, бѣлье, сапоги, сапожная непромокаемая мазь, книги, портянки, а потому проситъ добротныхъ жертвователей обратить вниманіе на вышесказанное и придти на помощь по снабженію читинскаго склада „Краснаго креста“ столь необходимыми предметами“.

Русская армія не должна терпѣть недостатка въ необходимыхъ предметахъ. Наше общество должно стоять на высотѣ своихъ обязанностей. Недостатокъ, необходимыхъ предметовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій — это извѣстіе должно найти откликъ себѣ во всей Россіи. Нѣтъ такой крестьянки, которая не нашла бы у себя куска холста на пару портянокъ.

¹⁾ Извлеченіе изъ рѣчи вновь назначеннаго попечителя Оренбургскаго уч. округа Н. Ч. Заіончковскаго.

Возможно, что больше ничего у нея нѣтъ, но пара портянокъ найдется. Она съ готовностью послала бы ихъ солдату; но не знаетъ, кому и гдѣ ихъ передать. Она даже, навѣрно, и не знаетъ, что въ Манчуріи терпятъ нужду въ портянкахъ. Нашлись бы и такія крестьянки, которыя дали бы солдату рубаху и кальсоны.

Организуя сборъ пожертвованій въ городахъ, не надо забывать и о деревнѣ. Деревня—это 100 милл. народа, —небогатаго, сѣраго бѣднаго, но имѣются среди него и люди съ достаткомъ. Кто отъ достатка, кто отъ бѣдности, а всѣ дадутъ, что могутъ дать для солдата. Деревня будетъ благодарна, если и ей помогутъ принять участіе въ святомъ дѣлѣ снабженія арміи „необходимыми предметами“.

Думаемъ, что найдутся въ деревнѣ и близъ деревни люди, которые энергично возмутся за дѣло. Они могутъ собрать миллионы бѣлья. Вѣдь въ Манчуріи ихъ и за деньги не достанешь, а солдату нельзя маршировать сотни верстъ безъ портянокъ, безъ хорошихъ сапогъ и *въ мундиръ, надѣтый на голое тѣло*.

Сапоги можно на пожертвованныя деньги десятками тысячъ направлять въ Манчурію. Вѣдь у насъ имѣются уже кустарные районы сапожнаго производства. Кустари-сапожники—люди бѣдные. Они сидятъ безъ работы. Разомъ можно сдѣлать два добрыхъ дѣла: бѣдняку дать работу и солдата обуть.

Все это надо дѣлать поскорѣе. Тамъ нужда не ждетъ и ждать не будетъ, пока мы тутъ будемъ толковать да собираться. Надо прямо браться за дѣло, съ полнымъ сознаніемъ нашихъ обязанностей предъ арміей.

(Вят. Еп. В.)

МОЛИТВА ВЪ ДЕНЬ БРАНИ.

Владыко Всесильный и Крѣпкій во брани!
Отъ насъ, недостойныхъ рабовъ,
Молитвы пріими, намъ на помощь востави
И скоро спаси отъ враговъ!

* * *

На помощь смиренно Тебя призываемъ:
Ты помощь яви намъ Свою;
Вѣдь, не на оружіе мы уповаемъ,
Но вѣруемъ въ силу Твою.

* * *

Твоей вседержавною, Господи, силою
Навѣты враговъ сокруши
И эту силою непобѣдимой
Ихъ дерзость навѣкъ низложи!

* * *

Пошли нашимъ войнамъ въ скорби терпѣнье,
Болѣзни отъ нихъ отжени,
А павшимъ—дай вѣчное упокоенье,
Ихъ въ царство Твое пріими.

Д—сз.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Ученье и учитель. Педагогическія замѣтки. Вторая книжка.
Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 1904. 54 страницъ.
Цѣна 30 коп.

Въ этой брошюрѣ съ присущимъ автору глубокимъ проникновеніемъ въ требованія дѣйствительной, а не выдуманной, жизни, которая протекаетъ въ насъ и мимо насъ не всегда въ зависимости отъ нашихъ теорій и тенденцій,—разсѣяны въ широкомъ смыслѣ слова *педагогическія* замѣтки и мысли, важныя и полезныя не для однихъ учителей по своему специальному знанію и званію, но для всѣхъ насъ, бывающихъ, смотря по обстоятельствамъ, подчасъ даже безъ нашего желанія или согласія, учителями и учениками въ жизни.

Указывая на усложненіе жизни, продуктомъ котораго является специализація наукъ, раздѣленіе труда, раздробленность обязанностей человѣка, достоуважаемый авторъ, съ полнымъ сознаніемъ непреложной истинности своего убѣжденія, утверждаетъ, что лишь *религія*, „оживляя въ насъ сознаніе Бога и присутствія Божія, даетъ *единство* всей нашей жизни... Весь успѣхъ нашей жизни состоитъ въ сознаніи этого основного ея единства, въ коемъ ясна становится взаимная связь всѣхъ частей нашей жизни, ясно истинное значеніе всѣхъ малыхъ дѣлъ и явленій, изъ коихъ составляется жизнь наша... Лишь въ мысли о Богѣ можемъ мы обрѣсти равновѣсіе земного бытія, уразумѣть идею единства жизни“.

Обученіе вѣрѣ, по мысли автора, должно быть сосредоточено на лицѣ Господа Іисуса и на евангельскомъ ученіи, причемъ „основа учительства должна быть догматическая, а не нравственная, потому что начала нравственнаго ученія непрочны и шатки, если не коренятся въ вѣрѣ“. Начало любви „легко расплывается въ безплодномъ сентиментализмѣ и не даетъ прочныхъ результатовъ. Мало одной любви для *рѣшенія* *всѣхъ вопросовъ жизни*. Любовь должна соединяться съ знаніемъ, и въ этомъ состоитъ цѣль воспитанія. Вотъ почему *истинное воспитаніе должно утверждаться на религіи*. Только тотъ хорошій учитель, кто имѣетъ религіозное настроеніе: одно лишь оно служитъ опорой ученію нравственному... Ученіе, основанное на религіозныхъ началахъ, вводитъ душу въ новую, духовную сферу, открываетъ ей горизонты

духовной жизни, оставляетъ въ ней идеи и понятія, — которыя, если и поблѣднѣютъ, совсѣмъ исчезнуть не могутъ, не забываются, и, даже поблѣднѣвъ, снова верѣдко возвращаются въ душу, освѣжая ее”.

Продолжая и развивая свою основную мысль, авторъ даетъ рядъ цѣнныхъ доводовъ и положеній въ пользу нормальнаго воспитанія, связаннаго съ религіей, и покоющагося на ней. Учить Закону Божию, говорить о нѣмъ, значило бы учить живой вѣрѣ. Отдѣленное отъ богослуженія, преподаваніе Закона Божія отдѣляется отъ церкви. Оно пріобрѣтаетъ желаемую полноту только тамъ, гдѣ оно неразрывно связано съ церковью, гдѣ дѣти, участвуя въ чтеніи и пѣніи церковномъ, привыкаютъ жить въ церкви ея жизнью, и повимать и чувствовать глубину и красоту церковнаго обряда. Въ остальной части брошюры авторъ высказываетъ интересные по своей правдивости и по отсутствію предвзятой тенденціи мысли о программахъ и системахъ образованія, объ образованности и полуобразованіи, объ экзаменахъ и письменныхъ испытаніяхъ, общеобразовательныхъ курсахъ, значеніи древнихъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ, о роли начальной школы и о высшемъ образованіи.

Тѣсныя предѣлы библиографическаго отзыва не позволяютъ намъ передать in extenso замѣчательныхъ и авторитетныхъ сужденій достопочтеннаго автора, брошюры коего, при ея небольшомъ объемѣ, настолько поражаетъ своей содержательностью, что нельзя не считать ея необходимою для каждаго, имѣющаго какое-либо отношеніе къ подготовкѣ въ узкомъ или широкомъ смыслѣ слова.

(„Моск. Ц. Вѣд.”).

Пр. П. Р—скій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ФАБРИКА
ИКОНОСТАСОВЪ, СТОЛЯРНЫХЪ, РѢЗНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
и ПОЗОЛОТА ПО ДЕРЕВУ
Сергѣя Андреевича
СОКОЛОВА
сущ. съ 1841 г.

ПРИНИМАЕТЪ и ИСПОЛНЯЕТЪ ЗАКАЗЫ:
по устройству рѣзныхъ и золоченыхъ
иконостасовъ изъ различныхъ деревъ и позолота по дереву, исполненію
художествен. и живописн. иконъ и стѣнной живописи съ уборкою
Заказы исполняются во всѣхъ городахъ и селахъ Россійск. Имперіи.

МОСКВА,
Грузины, Средній Тишинскій переулокъ, собств. домъ № 3.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ

НА ВСЕЮ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

самый большой магазинъ

В. М. ФОЛОМИНА

въ Кіевѣ

Подолье, Александровская улица, собственный домъ

«ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ»

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Заведеніе жестяныхъ дѣлъ

цеховаго мастера

КОНСТАНТИНА ГАВРОНСКАГО

въ городѣ Варшавѣ

Хмельная улица дома № 45.

Производитъ кровельныя работы для церквей, золоченіе куполовъ, крытье, починку, покраску крышъ и всякія постройки по самой низкой цѣнѣ.

Имѣя одобрительныя свидѣтельства, предлагаетъ свои услуги Священникамъ, церковнымъ старостамъ и помѣщикамъ и увѣряетъ въ аккуратномъ и добросовѣтномъ исполненіи заказовъ.

Колокольный Заводъ

А. ВЛОДКОВСКАГО

въ Гор. Венгровѣ Сѣдлецкой Губ.

Отливаетъ новые и переливаетъ разбитые колокола.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Высочайшая награда. — Определенія Святейшаго Синода. — Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — Отъ Консистеріи. — Отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. — Отдѣлъ II. Храмовой праздникъ въ селѣ Сельцѣ, холмскаго уѣзда. — Мать въ семьѣ. — Каждый ли пастырь-проповѣдникъ долженъ вести проповѣди, отвѣчающія на запросы времени. — Драгоценныя указанія дѣтелямъ школы. — Къ нуждамъ войны. — Молитва въ день брани. — Библиографія. — Объявленія.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется. — Варшава, августа 20 дня 1904 года. — Цензоръ, Каѳедраальный Протоіерей П. Наллистовъ. Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское-Предмѣстье, № 3.